

Лавшук О. А. (Могилев)

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

В современной ситуации двуязычия русскоязычная литература, создаваемая писателями, живущими в Беларуси, является полноправным участником литературного процесса. Несомненна и ее роль в формировании патриотических установок, культурных ценностей белорусского общества. Русскоязычная литература Беларуси не менее национальна, чем белорусская литература. Тем не менее, проблема национального самоопределения является весьма животрепещущей для авторов, живущих в Беларуси и пишущих на русском языке. Обратимся в первую очередь к поэзии. Выразительное начало, доминирующее в поэзии, в значительной степени опирается на этнонациональную образную систему, которая вырастает на национальном субстрате. В языке поэзии, в мелодике стиха как бы синтезируются элементы национального самосознания и национального характера, и с огромной силой выражается национальная ментальность.

Не останавливаясь подробно на вопросе классификации (русская или русскоязычная литература Беларуси), отметим лишь, что в белорусскости, языковой аспект сегодня, с появлением самостоятельного государства, в котором существуют два государственных языка, стал не самым важным. Причастность к народу определяется, прежде всего, как причастность к национальному характеру. Если и есть в этой причастности лингвистическая часть, то она – скорее билингвизм, умение говорить на языке собеседника и понимать говорящего по-русски и по-белорусски. Видимо поэтому многие молодые авторы в Беларуси создают свои произведения как на русском, так и на белорусском языках (В. Бурлак, Д. Дмитриев, А. Ходанович и др.). Не менее, а возможно – и более – важным фактором является духовное гражданство, преемственность традиций определенной культуры: «Раскрытый Тютчев... Смятая кровать...», «Век серебряный... Без суесловия...», «По России Пушкина и Блока...», «Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...», «Памяти Вениамина Блаженного» А. Аврутина, «М. Лермонтов – томик потрепанный...», «Сны-города» Л. Турбиной, «Dantissimo» А. Ходановича, «Виноград», «Звероносец» Д. Строцева. Так, Е. Казанцева пытается определить свою поэтическую родословную:

У меня специальности нет,
Я пишу бестолковые песни.
Я неправильный русский поэт,
И душа у меня не на месте.
Я не знаю, кто правильным был.

Может, Пушкин, да питерский Бродский [4, с. 78].

Или Е. Каменева в стихотворении «Цветаева!»:

Через всю мою жизнь:

– Цветаева!

– Божьим: заревом! [4, с. 78].

Анализируя поэтические произведения современных русскоязычных авторов, обращают на себя внимание, прежде всего прецедентные имена и топонимы. Поэты, родившиеся в Беларуси и пишущие на русском языке, апеллируют к белорусской истории, используют географические названия Беларуси: *Березина* – у В. Москаленко, *Беловежская пуца* – у Л. Лукши, *Грушевка*, *Авдодоровка* – у А. Аврутина. Лирический герой А. Аврутина местом жительства связан с пространственно-временным континуумом родной минской земли, в то же время на формирование его личности повлияла, несомненно, русская культурная традиция. Поэтому, «...как-то вмещаются в левом предсердье / И *Черная речка*, и *Белая Русь*» [1, с. 52].

Наиболее специфической чертой, отражающей национально-культурные особенности, помимо собственных наименований, является формирование концепта «Родина».

Что для русскоязычных писателей Родина? Советский Союз? Россия? Или Беларусь? В 1991 году им пришлось определяться, и эта самоидентификация проходила нелегко: «Разрушена страна. / Стою как на погосте» [4, с. 194].

Л. Яковенко в стихотворении «Возрождение» мучительно размышляет о своей судьбе:

Я буду изгоем в родной стороне
За то, что в краю белорусском
Нелепое счастье даровано мне –
Меня воспитали по-русски [4, с. 195].

После распада Союза многие поэты остались вне России, стали «ближним зарубежьем». Может, поэтому так сильно иногда пробивается тема брошенности: они не уходили, от них ушли, вернее – уехали, поездом:

О русская земля,
Ты за холмами!..
Ушел на Запад медленный состав.
А он глядит,
Прилав к оконной раме,
Быть русским гражданином перестав

(В. Тростянский) [4, с. 167].

Такие же мотивы звучат в стихотворении Е. Агиной «Ох, какая тоска здесь бывает...»:

Разве есть где-нибудь в самом деле на свете Россия?
Этой станции нет. Верстовые столбы не видны <...>
Этой станции нет. Очень просто – была и не стало...
Поезда не уходят в Россию – / нет больше такой [4, с. 14].

С болью вопрошает Анна Павловская:

И скажуг, забирая:
«На все тебе три дня»...
Москва моя родная,
За что ты так меня?
Далекие, чужие
Грохочут поезда...
Я – твой поэт, Россия!
А ты мне: «Лимита!» [4, с. 122].

А. Тропин с горечью задумывается о судьбе своих бывших соотечественников, которые после распада Союза стали жить в разных государствах:

Великие держава и народ,
Кто мы теперь?
Что с нами будет завтра?
Судить ни тех, ни этих не берусь –
Я не судья своим же братьям кровным.
Но вопиет во мне вседневно Русь
Мольбой молитв и скрежетом зубовным [4, с. 167].

Для одних поэтов в концепт «Родина» оказываются включенными весьма символические белорусские компоненты. Белая Русь – белый цвет как символ родины используют многие русскоязычные поэты. Например, И. Поглазов:

Я прощаю тебя, Родина,
За берёзовый белый цвет,
За дороги, которые пройдены,
За слова, что не скажешь в ответ.

Ярким примером может служить стихотворение А. Аврутина «Эти светлые названия...»:

Эти светлые названия
Белорусской стороны.
Белизною, белой ранью,
Все Бельнички полны [1, с. 271].

Некоторые поэтические образы вырастают до уровня символов, как, например, береза и журавль.

Там едина ночь без понимания
Сыплет звёздами и тихо говорит.
Там *берёзка*, как моё страдание
На фаворе праздника стоит.

Там огонь, скрипучие ворота,
И длиннее *журавля* апрель.
Мишка, Мишка, я хочу до рвоты
Догонять летящих *журавлей*. (И. Погдзав)

«К журавлям, / Что над ракитой / Вдоволь о любви / Трубят» обращается в своем стихотворении «Начинаю день с молитвы...» и Г. Соколовский [4, с. 149].

Для других русскоязычных поэтов Беларусь концептуальными образами-символами России – являются купола и кресты. У И. Ганкиной:

Хоть мне креститься вовсе ни к чему
И ни к чему поклоны бить земные,
Но близки сердцу, вопреки уму,
Твои кресты печальные, Россия [4, с. 44].

Или у Е. Агиной: «И лишь Россия нас крестит вслед /Крестами своих дорог» [4, с. 15].

И. Котляров, размышляя о предназначении поэта, говорит:

Вдруг молвию: «Ой ты гоё еси!» –
И в небе – крест, на шее – крестик...
Поэт издревле на Руси –
Не стихотворец, а предвестник. [4, с. 84].

На ассоциации с таким символом Беларуси как аист выстроено стихотворение А. Аврутина «Зеленый край...Щемящие слова...»:

Судьба моя! Мой беспокойный лёс!
Я здесь родился, рос, набрался силы.
Мне белый аист сыновей принес,
Сыноў прынёс мне бусел белакрылы... [1, с. 279].

Беларусь своей второй родиной называют поэты, родившиеся в России, для которых часть жизни, наполненная личностно значимыми событиями прошла в нашей стране, как, например, Т. Краснова-Гусаченко: «А белорусская земля – / по крови – Родина моя <...> / Здесь испытанье дал мне Бог...» [2, с. 3].

Свой переезд в Беларусь из Сибири символично выражает Л. Красевская:

Отыскала себе приют
Там, где аисты гнезда вьют.
Отпусти неблагодарную,

Сибирь-матушка! [3, с. 48].

Она же в стихотворении «Московский район» соединяет воедино два понятия: «Моя Россия! – Белая ты Русь! / Как вас делить? Зачем? С какого края? / По тракту единения пройдуся, / Распахнутой душою не играя!» [3, с. 91].

С другой стороны, есть немало белорусских по происхождению и пишущих на русском языке авторов, живущих за пределами Беларуси и связанных с ней нитями культурных и родственных связей:

Белоруска в Москве, белоруска в Москве
Словно в море трава, словно чайка в траве...
Вопреки же упрекам и чуткой молве
Я останусь собой: белоруска в Москве
(Татьяна Дашкевич) [4, с. 167].

Некоторые поэты, не желая самоопределяться, не расстаются с прошлым. Одни говорят об этом с иронией, как Д. Строцев:

всех всеми
комуна Руси кому на Руси
жить хорошо жить хорошо назову
союз союзом
советских советских
социалистических социалистических
республик республик назову [5].

Другие – с горечью, как, например, А. Тропин:
Мы потому сегодня голь и грусть
И носим в сердце скорбную руину,
Что по-живому разорвали Русь
На Беларусь, Россию, Украину [4, с. 167].

А. Герашенко в стихотворении «Я – русский» отождествляет белорусов и украинцев с русскими:

Под синим небом белорусским
Познал я радость и беду.
Я – белорус, а значит – русский,
Таким и в небо я уйду [4, с. 44].

Эта же тема самоидентификации в модусе национальной ментальности может звучать и по-другому: когда обе страны оказываются одинаково родными. И, наверное, именно такое решение оказывается единственно верным, позволяя не терять, а обретать, как, например, А. Скоринкину, который в своем лиро-эпическом дневнике «Последний герой» подводит итоги:

Смоленск живет в моих воспоминаньях
Как самый близкий и родной причал <...>

И в день последний перед Новым годом,
Когда я ехал в Минск навеседе,
Я мокрый пар делил с родным народом,
Стебаясь на осиновой скамье <...>

Прости, Смоленск! Нас берег ждет другой.

Если же обратиться к некому общему образу лирического героя русской-беларуской поэзии, то он, как и герой белорусской литературы – человек

с очень тонкой кожей, чувствующий свою ответственность за все и перед всем. Не проклинаящий, а жалеющий и терпящий. Человек, который живет в промежутке между двумя вечностями – прошлым и будущим и который чувствует свою связь с ними. Человек, за которым стоят поколения, память родства, уходящая в глубину. И эту вневременную память родства чувствуют и русскоязычные авторы Беларуси, которые обращаются с молитвой к Богу:

Прости Господь
Всех и за все, прости,
Открой Господь
Всем ищущим пути (Т. Лебедева).

Дай мне, Отче, в дорогу свой посох, пропитанный смолой
Не вифанских дерев, а сосновый, родимой земли,
Чтоб измерить, какую в Тебе отзываются болью
Все не ставшие действием светлые мысли мои

(И. Бисев) [4, с. 29].

Может быть, тогда вся Беларусь – лишь тонкая береста, на которой проступают древние слова молитвы, и не важно, на каком языке они написаны. Главное – что эта молитва услышана:

И боги внимали словам моим грустным,
Словам перелесков и сумрачных боров,
Словам не каким-то заморским, а русским,
Словам бесприютных российских просторов (В. Блаженный).

Литература

1. Аврутин А. Ю. Наедине с молчанием: книга поэзии. Минск, 2007.
2. Краснова-Гусаченко Т. И. Я пришла. Минск, 2006.
3. Красевская Л. С. С любовью о любви: Стихи. Брест, 2004.
4. Современная русская поэзия Беларуси: Антология / сост. А. Ю. Аврутин. Минск, 2003.
5. Строщев Д. Тридцать восемь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strotsev.net.ru/indexru.html>. – Дата доступа: 13.10.2009.